

Власть прошлаго.

Пусть радости былыя миновали,
Пусть давнія печали отошли,
Но для души онѣ не умирали.

Все померкло, все исчезло вокругъ нея... Уютная и милая обстановка, яркій свѣтъ лампы, смягченный красивымъ абажуромъ, столъ съ разставленной аккуратно чайной посудой, привѣтливо шумящій самоваръ, послѣдній номеръ иллюстрированнаго журнала съ лежащимъ возлѣ него костянымъ ножомъ... Все пропало, все потонуло во мракѣ... Передъ глазами было только одно: небольшой листъ бумаги, распечатанная телеграмма, да и словъ-то было немного; всего только и стояло: „сдѣлалъ предложеніе, благослови, дорогая. Коля“.—Что это? Зачѣмъ? Неужели этотъ небольшой листъ бумаги внесъ такой ужасъ въ ея жизнь? Куда дѣвалось душевное спокойствіе и то радостное состояніе, въ которомъ она была цѣлый день?..

Старая Аннушка уже нѣсколько разъ входила тихими шагами въ комнату, стараясь обратить на себя вниманіе. То передвинула сахарницу и поставила ее ближе къ подносу; то сняла чайникъ съ самовара, но барыня не видала и не замѣчала ея. Откинувшись въ кресло, безпомощно положивъ руки на колѣни, Наталья Николаевна глядѣла передъ собою ничего невидѣвшими глазами. А въ головѣ ея ровно и мѣрно, какъ удары молота, стучало одно слово: „зачѣмъ? зачѣмъ“?..

Бодрая, живая, хотя казавшаяся и старше своихъ пятидесяти лѣтъ, Наталья Николаевна цѣлое утро сегодня съ помощью Аннушки прибирала комнату сына; онъ долженъ былъ вернуться не сегодня — завтра. Съ какой любовью перетирала

она всѣ вещички, разставленныя на письменномъ и туалетномъ столахъ, стряхивала разныя салфеточки, прибрала журналы и газеты, накопившіеся за его отсутствіе и лежавшіе на особомъ столикѣ около окна.

— Аннушка, ты ужъ займись постелью, пожалуйста; вотъ чистое бѣлье; я уже вынула изъ комода; да почисти щеткой коверъ, а ужъ эти мелочи—я сама...

— Куда мнѣ, матушка! Я отъ нихъ отказываюсь! Прошлый разъ стала обтирать ихъ тряпочкой, да вотъ у этого самаго верхового пику-то и сломала.

И она показывала на прехорошенькую статуэтку, изображавшую араба на верховомъ конѣ съ длинною пикою въ рукѣ. Наталья Николаевна улыбнулась и взяла въ руки злополучнаго араба. Вещичка эта была куплена за границею и была очень изящна.

— Да, мы съ Колей насилу ее починили тогда, сказала она. Аннушка, обратилась она опять къ старушкѣ, туфли то на мѣстѣ-ли.

— Все, все готово, матушка! Да что вы ужъ очень-то торопитесь? Не сегодня, авось, пріѣдутъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня! Сегодня не жду. Вотъ телеграмму получимъ, тогда...

Не жду! Да была ли минута, секунда, когда она его не ждала! И сейчасъ вотъ она увѣряла Аннушку, что не ждетъ его, а между тѣмъ чуткимъ ухомъ прислушивалась все время, нѣтъ-ли звонка въ передней.

— А лампадочку я все-таки же затеплю! И Наталья Николаевна поправила и зажгла фитилекъ въ голубомъ граненомъ стаканчикѣ передъ образомъ св. Николая Чудотворца.

Такъ было все хорошо, радостно, и вдругъ—эта телеграмма! Она ждала телеграмму, да только—другую; извѣщавшую о его пріѣздѣ. Она заранѣе думала о томъ, какъ онъ телеграфируетъ: напишетъ ли просто, что ѣдетъ, или съ просьбою, чтобы его встрѣтили?—Какъ встрепенется и забьется сердце, увидавъ дорогое имя, написанное размахистой рукой телеграфиста! Онъ всегда подписывался просто: Коля. Такъ было и теперь. Распечатавъ телеграмму, она сначала увидала только четыре буквы, и кровь бросилась къ сердцу. Ѣдетъ. Ѣдетъ дорогой! скоро увижу! Можетъ-быть даже завтра! Вѣдь три недѣли цѣлыхъ не видала. Шутка-ли! Завтра прижму къ сердцу, расцѣлую милый лобикъ, глазки!.. И вдругъ глаза ея увидали первыя слова. Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть! Она ошиблась, ей показалось! Она чи-

таетъ, перечитываетъ ихъ, начинаетъ уяснять себѣ, что они значатъ.—И вотъ она поняла. Его отнимаютъ у нея! Другіе, чужіе, не любящіе его. Такъ—позабавиться хотятъ; а потомъ—бросить. Подлые, скверные! Какъ они смѣютъ только! Она его не отдастъ, не уступитъ! Для того ли она его растила, берегла, дрожала надъ нимъ?—Но вдругъ слезы застилаютъ ей глаза, катятся по блѣднымъ, худымъ щекамъ; она начинаетъ уяснять себѣ безцѣльность борьбы. Вѣдь *онъ самъ* этого хочетъ, *онъ самъ* уходитъ отъ нея! Ему мало *ея* ласкъ, *ея* любви, *ея* заботъ! Злая жизнь входитъ въ свои права; она чувствуетъ, что она безсильна, и безпомощныя рыданія душатъ ее.

Судьба Натальи Николаевны сложилась издавна такъ, что сынъ ея Николай сосредоточилъ на себѣ всѣ лучи ея жизни. Она только имъ и жила. И что для другой матери было бы самымъ обыкновеннымъ фактомъ — для нея было равносильно смерти, съ нимъ уходила и ея жизнь.

Есть повѣрье, что въ минуту смертной казни передъ духовными очами человѣка съ быстротой молніи проходитъ вся его жизнь съ мельчайшими подробностями. Такъ случилось и теперь. Пока блѣдная Наталья Николаевна, пораженная и убитая этимъ событіемъ, вторгнувшимся въ ея тихую жизнь, сидѣла въ своемъ креслѣ, въ полномъ безмолвіи окружающей ее тишины, передъ ней начали возставать одна за другой картины изъ ея былой жизни. Ярко вырисовывалось все прошлое и проходило мимо нея. Въ каждомъ фактѣ, въ каждомъ событіи, воспоминаемыхъ ею, она старалась отыскать и добиться связи, причины, дѣйствующаго фактора теперешнихъ ея страданій...

Вотъ она стройная, красивая дѣвочка семнадцати лѣтъ, съ роскошной бѣлокурой косой выбѣгаетъ на террасу ихъ дома съ своей второй сестренкой на годъ моложе ея. У нихъ только-что кончился урокъ математики; старый учитель Латышевъ, убѣленный сѣдинами, только-что ушелъ, ворча на плохо приготовленный урокъ и на неумѣніе своихъ ученицъ доказать какую-то теорему.

— Спровадили! Слава Богу! Фу, какой несносный!

И съ удовлетвореннымъ сердцемъ слышатъ онѣ, какъ лакей Василій запираетъ за ненавистнымъ педагогомъ массивную парадную дверь.

— Не ворчи, Катюша. Теперь твой „архангелъ“ сейчасъ явится!

„Архангеломъ“ назывался молодой, красивый преподаватель русскаго языка — Навроцкій; это былъ романъ Катюши, которому она втайнѣ писала сонеты. Курчавая голова и римскій профиль „архангела“ запленили сердце шестнадцатилѣтней Катюши, и онъ былъ героемъ и рыцаремъ ея мечтаній.

— Ну, мы довольно „взяли воздуха“, идемъ въ классную, а то мнѣ еще нужно пересмотрѣть сочиненіе, которое я подаю сегодня.

Привыкши постоянно говорить по-французски, дѣвочки употребляли иногда въ разговорахъ, непереводаемые на русскій языкъ, галлицизмы.

Ихъ было четыре сестренки: двѣ старшія и двѣ младшія. Воспитывались всѣ дома. Отецъ, рано овдовѣвшій, занималъ важный постъ въ столицѣ. Князь Д. былъ его другомъ и товарищемъ еще въ молодости. Получивъ генераль-губернаторство, онъ сейчасъ приблизилъ къ себѣ и Горова. Дѣвочки рано лишились матери; младшія даже и не помнили ея. Обладая большимъ состояніемъ, Николай Алексѣевичъ жилъ въ собственномъ домѣ на одномъ изъ бульваровъ, отказавшись отъ казенной квартиры въ губернаторскомъ домѣ. Домъ Горовыхъ былъ старинный, съ колоннами, съ глубокимъ дворомъ, надворными строеніями и большимъ тѣнистымъ садомъ сзади него. Въ нижнемъ этажѣ была цѣлая амфилада парадныхъ комнатъ, три гостиныхъ, большая зала съ мраморными колоннами, гдѣ стояли два концертныхъ рояля, столовая и помѣщеніе отца. Верхъ—состоявшій изъ шести большихъ комнатъ, составлялъ полное владѣніе дѣвочекъ. Двѣ дѣтскія, комната гувернантки, комната старухи-няни, большая классная въ три окна и туалетная и гардеробная.

У старшихъ дѣвочекъ были гувернантки, учителя; у младшихъ—бонна и няня. Николай Алексѣевичъ и слышать не хотѣлъ о гимназіяхъ, пансіонахъ и въ особенности объ институтахъ, хотя, по своему положенію, имѣлъ возможность воспитывать дочекъ на казенный счетъ. Рано овдовѣвъ, онъ всецѣло посвятилъ себя службѣ и воспитанію дѣтей. Много дѣвицъ и молодыхъ вдовъ старались обратить на себя его благосклонное вниманіе; многія изъ нихъ были увлечены красивымъ сановникомъ, аристократомъ до конца ногтей, „старымъ бариномъ“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; многихъ прельщала и его высокій чинъ, и его положеніе въ свѣтѣ. На балахъ и раутахъ у генераль-губернатора, когда онъ высокій, красивый, облеченный въ мундиръ съ Владимірской лентой черезъ плечо, весь увѣщенный русскими и иностранными орденами, входилъ въ

залъ, то его присутствіе замѣчалось, производило впечатлѣніе. Когда на другой день этихъ раутовъ, онъ за чаемъ, въ семейномъ кругу, рассказывалъ, какъ онъ наканунѣ говорилъ съ австрійскимъ императоромъ, или съ прусскимъ королемъ, или съ княземъ черногорскимъ, то четыре пары темныхъ глазенокъ съ благоговѣніемъ устремлялись на него, и, затаивъ дыханье, дѣвочки съ жадностью ловили каждое его слово. Для нихъ онъ былъ какимъ-то богомъ, всеильнымъ, всезнающимъ, а подчасъ и грознымъ. И чѣмъ старше становились онѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе боязнь и страхъ пересиливали любовь и привязанность.

Домашній обиходъ былъ поставленъ на широкую ногу; прислуга—пропасть; и старые крѣпостные, и новые молодые; лакеи, кучера, поваръ, горничная для старшихъ дѣвочекъ, таковая же для младшихъ, особая „дѣвочка“ для Madame'y, горничная къ столу, помощница лакея и т. д. и т. д. безъ конца.

Прислуга вся жила подолгу; гувернантки мѣнялись чаще. Несмотря на громадный гонораръ, выплачиваемый имъ (болѣе тысячи рублей), ни одна не оказалась на высотѣ своего призванія; ни одна не сумѣла заслужить любовь и довѣріе дѣвочекъ. Последняя, м-ше Клеберъ, какими-то судьбами зажила четыре года. Но дѣвочки не любили ея. Она была очень образована, говорила на трехъ языкахъ, обучала дѣвочекъ красивымъ работамъ и музыкѣ, но не сумѣла возбудить въ нихъ ни капли теплаго чувства и привязанности. И, когда за вечернимъ чаемъ, она, обращаясь къ Николаю Алексѣевичу, начинала слащавымъ голосомъ: „Votre Excellence, je me fais le devoir de vous annoncer“.. за чѣмъ слѣдовалъ полный пространный докладъ о проведенномъ днѣ: объ успѣхахъ Наташи, о невыученомъ урокѣ Катюши, о чернильницѣ, вылитой Женей на новое платье, и т. д.,—то нужно было видѣть, съ какой затаенной злобой слѣдили за ней темные глазенки и какъ горячо потомъ на „общемъ собраніи“ въ каморкѣ у няни Анны Филипповны, обсуждался вопросъ, какую бы штуку сыграть съ француженкой и какъ-бы хорошенько отплатить ей за „докладъ“. Неимоверно богатой фантазіей на этотъ счетъ обладала Наташа. Планы и предложенія сыпались безъ конца. Наконецъ, „собраніе“ останавливалось на чемъ-нибудь, шумно одобряло планъ, и „месть“ была готова.

На другой день, одѣваясь, м-ше Клеберъ долго не могла найти своей рыжей накладки, что задерживало ее къ первому

уроку; когда наконецъ начинался урокъ, то пропадали очки; исканіе ихъ уходило чуть не часъ времени, и находились они обыкновенно въ самомъ невозможномъ мѣстѣ. А къ завтраку, за которымъ никогда не было отца, прибѣгалъ „Бисмаркъ“, собственный мопсикъ м-ше Клеберъ и, когда француженка брала на руки своего любимца, онъ оказывался весь вымазаннымъ столярнымъ клеемъ. Боже! сколько труда нужно было, чтобы удержаться и не прыснуть со смѣха! Личики были серьезныя, склоненныя къ тарелкамъ; разговоры были совсѣмъ о постороннихъ предметахъ.

— Настя, отчего ты не ѣшь клюквеннаго киселя? Ты вѣдь знаешь, что докторъ приказалъ!

— Ты такъ и не нашла послѣдняго тома Майнъ-Рида, Катюша? Это ужасно непріятно.

Все это говорилось совершенно серьезно, съ озабоченными лицами.—Съ шумомъ отодвигался стулъ. М-ше Клеберъ, съ „Бисенькой“ на рукахъ выскакивала изъ-за стола и неслась въ дѣвичью.

— *Degoutantes, vilaines fillettes!* раздавался ея голосъ по корридору. Одна изъ горничныхъ „маленькая Аннушка“ (въ отличіе отъ другой „большой“ Аннушки), помогавшая въ это время лакею Василю у стола и бывшая всегда усердной исполнительницей всѣхъ затѣй своихъ барышень, фыркала и закрывалась передникомъ.

Но, когда шаги въ корридорѣ затихали, то общій, дружный смѣхъ оглашалъ столовую; и только Василій, ухмыляясь своими бритыми губами и разглаживая нарядныя съ просѣдью бакенбарды, съ укоромъ качалъ головою.

— Ну что, да если Ихъ Превосходительство...

Но вотъ Наташѣ минуло восемнадцать лѣтъ. Продѣлки м-ше Клеберъ, шалости съ сестрами, возня съ собаками и птицами перестали удовлетворять ее. Ученье шло своимъ чередомъ; прибавилось еще два-три учителя, такъ какъ отецъ непременно хотѣлъ, чтобы она сдала экзаменъ при Университетѣ на „домашнюю учительницу“. Но училась она всегда съ удовольствіемъ, жажда знанія была страшная. Къ нимъ въ домъ ходилъ одинъ студентъ, родственникъ одной изъ бывшихъ гувернантокъ, которая умерла, одна изъ тѣхъ, о которой сохранилось болѣе теплое воспоминанье. Худой, чахоточный, окончившій уже одинъ факультетъ и перешедшій теперь на фило-

логическій, онъ былъ для Наташи неисчерпаемымъ кладземъ знаній. Уроковъ собственно онъ ей не давалъ, нашли, что у него не было педагогическихъ способностей. Но онъ любилъ науку для науки и усердно дѣлился съ дѣвочкой всѣми своими познаніями. И въ послѣдствіи Наташа всегда говорила, что, если она знаетъ что-нибудь, то это только благодаря Павлу Николаевичу. Чего-чего только онъ не передалъ молодой дѣвушкѣ! Богатѣйшую энциклопедію вложилъ онъ въ юную головку. Но вложилъ съ порядкомъ и толкомъ. Физика, химія, астрономія, геологія, космографія... все поглощалось Наташей. А кто раскрылъ передъ нею интересныя страницы Всемирной Исторіи, кто указалъ и объяснилъ перлы русской и иностранной литературы? Съ глубокой благодарностью вспоминала она всегда этого друга ея юности, научившаго ее понимать и цѣнить всѣ красоты и богатства Вселенной.

Читала она много и безъ разбора. Безконечной вереницей проходили мимо ея духовныхъ очей герои красоты, силы и ума. Она страдала вмѣстѣ съ ихъ подругами и жертвами. Сегодня она олицетворяла Татьяну и, уходя въ глубь тѣнистаго сада, останавливалась на поворотѣ вѣковой, липовой аллеи, прижавъ руки къ бьющемуся сердцу и устремивъ глаза въ даль, ждала, когда же наконецъ въ глубинѣ изъ-за темно-зеленаго массива кустовъ появится Онѣгинъ.

На завтра она была Коринной и, удрученная вѣроломностью лорда Освальда, едва сдерживала рыданія цѣлый день. Но болѣе всего привлекалъ ее таинственный образъ Лермонтовскаго „Демона“. Могучій, отверженный, страдающій духъ былъ всего милѣе и понятнѣе ея сердцу. И, какъ Тамара, въ бессонныя ночи она звала его, ждала туманнаго пришельца съ его неземной красотой...

Но подѣлаться было не съ кѣмъ; и вотъ она стала писать дневникъ. И горе, и радость, и бессильную злобу, и непонятную тоску—все изливала она въ него. Но въ одинъ прекрасный день дневникъ былъ извлеченъ изъ тайника святотатственной рукой м-ше Клеберъ и преподнесенъ отцу.

— Ну посмотримъ, что ты тутъ за литературу развела, сказалъ онъ и развернулъ толстую сшитую тетрадь не совсѣмъ бѣлой бумаги.

Съ первыхъ же строкъ лицо отца омрачилось и чѣмъ дальше—тѣмъ хуже.

— Откуда ты достала Ренана? Кто тебѣ далъ эту ерунду? Скажи, ради Бога!

Ерунда! А она такъ увлеклась, такъ зачитывалась этой книгой! Геніальный авторъ, хотя и развѣнчалъ Христа, какъ Бога, но за то облекъ Его образъ такой неземной, духовной красотой, что этимъ невольно только лишній разъ и доказалъ, что это былъ Богъ, а не человѣкъ. И этотъ развѣнчанный Христосъ былъ такъ близокъ ея сердцу! Ей все казалось, что *такой*—Онъ скорѣй пойметъ ея мятежную душу. Въ минуты горя и тоски, и тогда въ юности, и теперь въ старости—она только и молилась Ему—Человѣку—Богу. И, когда отецъ суровымъ голосомъ доказывалъ ей ея ужасный, непростительный грѣхъ, ея богохульство — она, смиренно поникнувъ головой, всей душой старалась постичь этотъ грѣхъ и — не могла. За что, за что накажетъ ее Спаситель? За то, что въ сердцѣ ея таилась такая безпредѣльная любовь къ Нему? За то, что, когда душа ея смущалась и страдала, она несла къ Нему всѣ свои горести и сомнѣнія? За то, что она съ такой вѣрой въ Его Милосердіе молила Его и за себя, и за дорогихъ ея сердцу?.. О нѣтъ, нѣтъ! Этого не могло быть. Этимъ она не могла заслужить Его гнѣвъ!..

Правда, были нѣкоторыя страницы у Ренана, которыхъ она не оправдывала; но въ общемъ она чувствовала и понимала, что авторъ самъ безгранично любилъ Христа; иначе онъ не сумѣлъ бы дать такой дивный образъ; любовью и нѣжностью дышала каждая страница, каждое слово. Впослѣдствіи, когда она прочла Штрауса, Геккеля, Бюхнера—она поняла и постигла, какъ могутъ писать богоненавистники.

Ренана отобрали; дневникъ сожгли. А, когда узнали, что Ренана принесъ Павелъ Николаевичъ, то онъ былъ приглашенъ на аудіенцію къ отцу; она происходила въ кабинетъ при закрытыхъ дверяхъ и, вскорѣ послѣ этого инцидента, Павелъ Николаевичъ, кончившій Университетъ, получилъ мѣсто въ Костромской гимназіи и уѣхалъ изъ Москвы.

Нужно отдать справедливость: денегъ на образованіе дѣвочекъ Горовъ не жалѣлъ. Кромѣ курса наукъ имъ было предоставлено: абонементъ въ библіотеку, абонементъ нотъ; ихъ возили на картинныя выставки; старшихъ понемногу начали вывозить на вечеринки къ знакомымъ и въ симфоническіе кон-

церы Московскаго музыкальнаго общества, возникшіе тогда по инициативѣ Н. Г. Рубинштейна.

Наташа любила музыку и играла довольно порядочно. М-ше Клеберъ, которая занималась съ нею, узрѣла даже рѣшительно — талантъ. Она легко читала ноты съ листа и потому, кромѣ заданнаго урока, много играла, разбирала и вообще съ удовольствіемъ проводила время за роялю. Чтеніе тоже стояло на главномъ мѣстѣ. Чего-чего только она не перечитала! Тургеневъ, Достоевскій, Толстой... Въ особенности женскіе типы Тургенева заставили ее призадуматься. Они были ей ближе и роднѣе, чѣмъ вычурныя героини Дюма и Жоржъ-Занда. Сначала не ясно, а потомъ все тверже и увѣреннѣе назрѣвала мысль: любить—это страдать; любить—это жертвовать собою. И какъ ей хотѣлось этихъ страданій, этихъ жертвъ!

Подругъ и товарокъ у нихъ было довольно много.

Раза два въ недѣлю собирались мамы и тетушки съ дочками и племянницами; подавался чай, конфекты, фрукты; взрослые занимались сплетнями и разговорами; а дѣвочки подъ наблюденіемъ м-ше Клеберъ устраивали разныя игры, шарады и т. д. У отца было два-три партнера, старые генералы, съ которыми онъ садился играть въ преферансъ.

Иногда устраивались танцы; танцовали, конечно, больше „шерочка съ машерочкой“; а м-ше Клеберъ, напяливъ очки на горбатый носъ, съ большимъ азартомъ откалывала кадрили „Орфей въ аду“ и польку „Воробушки“.

Единственными кавалерами на этихъ вечерахъ бывали: одинъ лицеистъ—Володя Петровъ, сынъ бывшаго товарища Горова, и студентъ-техникъ, доводившійся родственникомъ м-ше Клеберъ. Звали его Гавриломъ Петровичемъ; но дѣвочки, которымъ онъ казался очень красивымъ, прозвали его „le beau Gabriel“ и всѣ поочередно влюблялись въ него.

Но вотъ въ 1874 году старшія дѣвочки выдержали экзамены при Университетѣ; этимъ, такъ сказать, закончили свое образованіе, распростились съ учителями и учебниками и стали выѣзжать по-настоящему. Наташѣ было восемнадцать лѣтъ. Катѣ—семнадцать. Частные вечера, балы въ лицей Каткова, въ дворянскомъ собраніи, у генераль-губернатора, симфоническіе концерты,—все это открывало новую, непривычную жизнь.

И домашнія вечеринки получили иной характеръ. Это ужъ

были *jeu-à-fix*'ы. Горовскія „среды“ были шумны и многолюдны. Знакомство все увеличивалось; собиралось до 50—60 человекъ

Нанимался всегда таперъ; чай разливался въ буфетной и разносился лакеями; подавали фрукты, мороженое, а послѣ двѣнадцати часовъ ночи въ большой столовой былъ сервированъ роскошный ужинъ.

Иногда „среды“ обращались въ литературные вечера. Майковъ, Островскій, Писемскій и другіе писатели, посѣщавшіе Горовыхъ, случалось, читали здѣсь *envers*, въ тѣсномъ кругу знакомыхъ нѣкоторыя изъ своихъ твореній. Многія изъ этихъ литературныхъ свѣтилъ были связаны узами родства съ семьей Горовыхъ.

Наташа особенно любила эти вечера. Не могшая еще по своей молодости вполне и достойно оцѣнить ихъ, она все-таки же по-своему чувствовала всю неизъяснимую прелесть этой непосредственной передачи своего произведенія самимъ авторомъ.

И, если „Волки и Овцы“, прочитанные самимъ А. Н. Островскимъ, не произвели на нее должнаго впечатлѣнія, такъ какъ типы, выставленные въ этой его комедіи, были совершенно чужды ея пониманію, то тѣмъ сильнѣе сохранилось въ ея памяти то дивное, восторженное состояніе, которое она испытала, когда А. Н. Майковъ читалъ свои „Два Міра“.— Большая, полутемная зала (лампы и кинкеты не зажигались въ этихъ случаяхъ), круглый столъ, покрытый бархатной скатертью, на немъ зажженный канделябръ, подносъ съ графиномъ и стаканомъ, возлѣ стола большое уютное кресло; поодаль полукругомъ расположены въ нѣсколько рядовъ стулья для слушателей. Вотъ входитъ и самъ, уже и въ ту пору славный, поэтъ. Небольшого роста, худощавый, съ милымъ и симпатичнымъ лицомъ; садится на кресло, поправляетъ обычнымъ жестомъ очки и волосы, водворяется мертвая тишина, среди которой раздается его чарующій голосъ, четко и немного съ паэсомъ произносящій:

(Деція): Что значитъ жизнь?

. Человѣкъ,

Самъ по себѣ, что значитъ въ мірѣ?

Кому онъ нуженъ?

Затаивъ дыханье, Наташа внимательно слѣдитъ за поэмой, сидя гдѣ-нибудь въ отдаленномъ углу. Музыка рифмованныхъ строкъ пріятно баюкаетъ ее; она не сводитъ глазъ съ одухотвореннаго лица поэта и жадно ловитъ каждое слово.

На тѣ вечера, когда читалъ Писемскій, дѣвочки допускались рѣдко. Самъ Горовъ все воевалъ съ Алексѣемъ Теофи-

Лактовичемъ за его литературный цинизмъ, который корѣбилъ въ то время многочисленныхъ почитателей его таланта; реализмъ не былъ еще въ модѣ тогда и его строго осуждали. Писемскій былъ страшный пессимистъ и ипсихондрикъ. На одномъ изъ этихъ вечеровъ произошелъ между прочимъ одинъ очень комическій случай. Въ самый разгаръ чтенія, когда немногочисленная публика внимательно слушала, какъ авторъ развивалъ свою драму (читалъ онъ великолѣпно), присутствующіе вдругъ увидали, какъ лицо писателя исказилось страшнымъ испугомъ и въ слѣдующую минуту А. Ө., несмотря на свое грузное тѣло, быстро влѣзъ съ ногами на кресло и, стоя на немъ, уже заносилъ ногу на столъ... Все это могло бы кончиться очень грустно. Взглянувъ на противоположную дверь, на которую былъ устремленъ безнадежно-отчаянный взглядъ А. Ө., гости увидали стоящаго на порогѣ залы, громаднаго горовскаго водолаза. Знаменитый писатель ощущалъ непреодолимый страхъ при видѣ собакъ и ненавидѣлъ ихъ. Когда въ домѣ Горовыхъ становилось извѣстнымъ о приѣздѣ Писемскаго, то всѣ собаки заранее убирались и запирались. Долго послѣ этого случая онъ не рѣшался снова навѣстить Горовыхъ. Въ то время въ Москвѣ, въ одномъ изъ театровъ, шла его драма „Горькая Судьбина“, въ которой роль Ананія игралъ самъ авторъ. Несмотря на усиленныя просьбы дѣвочекъ, Николай Алексѣевичъ ни разу не разрѣшилъ имъ повидать эту пьесу. Среди бывшихъ у Горова было много и его сослуживцевъ или вѣрнѣе, подчиненныхъ изъ того вѣдомства, гдѣ онъ служилъ. Разные были типы. Молодежь была, большей частью, состоятельная, служившая безъ жалованья, только ради карьеры, чтобы быть „на виду“, поближе къ „свѣтилу“, т. е. къ высшему начальству Горова, чтобы хотя погрѣться въ его лучахъ. Много было балованныхъ „маменькиныхъ сынковъ“, которые хотѣли только занимать мѣсто, получать чины, а на службу не являться. Но съ Горовымъ имъ эти комбинаціи не удавались. Самъ корректный служака, преданный своему дѣлу, педантъ по службѣ, исполнительный и аккуратный, онъ того же требовалъ и отъ молодежи; будучи самъ неліцепрїятнымъ и не преклонявшійся передъ своимъ высшимъ начальникомъ, онъ и въ свою очередь не любилъ льстивыхъ и подобострастныхъ и страшно преслѣдовалъ такого рода субъектовъ. Оттого его и любили и страшно боялись одновременно. На вечерахъ же у Горова всѣ бывали съ удовольствіемъ. Грозный начальникъ на службѣ, онъ былъ любезный и гостепрїимный хозяинъ.

На „средахъ“ было шумно и весело; ухаживать за дочерью начальника не требовалось: а если это и дѣлалось, то вполне добровольно. Дѣвочки были милыя и любезныя хозяйки. Отецъ внушилъ имъ, какъ онѣ должны были относиться къ своимъ молодымъ гостямъ. И потому нерѣдко можно было услышать такіе разговоры.

— Прошу васъ, Володя, обращалась Наташа къ Петрову, пригласите на котильонъ Annette Баранову; она безъ кавалера.

— Ну вотъ, Наташа, какъ же это? Вѣдь вы танцуете его со мною. Вы обѣщали мнѣ, помните?

— Не могу же я танцевать, когда Annette безъ кавалера, и потомъ мнѣ нельзя—я должна присмотрѣть, какъ накрываютъ столъ къ ужину.

— Нѣтъ, Наташа, воля ваша—не могу! Ну, хоть бы кого поинтересяѣ выбрали, а то—дѣвица такихъ размѣровъ, что Боже упаси!..

— Володенька, миленькій, ради Бога!

— Ну хорошо, съ условіемъ: послѣ котильона къ ужину ее не поведу, а сяду рядомъ съ вами.

— Что вы, что вы! замахала руками Наташа, да развѣ можно такія вещи?

— Такъ я отказываюсь.

— Господи, ну, что мнѣ съ вами дѣлать! Ну, голубчикъ, я сяду около васъ по другую сторону.

— Знаемъ мы эти обѣщанія! Ужъ которую „среду“ подъ рядъ князь Адашевъ около васъ все вертится!

— Пожалуйста, не выдумывайте! вспыхнула Наташа, а то серьезно разсержусь...

Черезъ нѣсколько минутъ инцидентъ былъ улаженъ; Петровъ танцевалъ съ толстухой Барановой, а за ужиномъ Наташа сидѣла возлѣ него.

Володя Петровъ былъ первый, который ухаживалъ за Наташей; это былъ самый невинный дѣтскій флиртъ. Они были ровесники. Когда имъ было по шестнадцати лѣтъ, то это ухаживанье очень льстило Наташѣ; но, дѣлаясь старше, она все болѣе и болѣе стала относиться къ Володѣ въ покровительственномъ тонѣ. Худой, болѣзненный мальчикъ, онъ ей внушалъ больше сожалѣнія и въ ея симпатіи къ нему было много материнской заботливости; хотя были минуты, когда она поднимала его на смѣхъ и издѣвалась надъ нимъ. Онъ не былъ героемъ ея романа—этотъ тихій, покорный мальчикъ.—Да и князь Адашевъ, ухаживавшій за ней ужъ не на шутку, мало

трогалъ своей изысканной любезностью. Нравилась ли она ему на самомъ дѣлѣ, хотѣлъ ли онъ, женившись на дочери принципала, упрочить свою карьеру—не извѣстно; но ухаживалъ онъ очень явно и настойчиво. Но, что въ этомъ для Наташи? Не пробилъ часъ ея; сердце молчало и ждало другого.

„Того, которому внимала
„Она въ полночной тишинѣ“...

Но кто онъ? Гдѣ онъ? И путались мысли бѣдной Наташи... И она ждала, ждала...

„Шепталъ ей кто-то: онъ придетъ!“

И вотъ онъ пришелъ.

Большой залъ Дворянскаго собранія. Яркій свѣтъ безчисленнаго количества свѣчей освѣщаетъ бѣлый мраморъ колоннъ, отражается въ зеркальныхъ стѣнахъ, играетъ на хрустальныхъ подвѣскахъ люстръ. Симфоническій концертъ. Только-что кончилась дивная симфонія Чайковскаго „Франческа да Римини“. Послѣ шумныхъ оваціи Н. Гр. Рубинштейнъ покинулъ эстраду. Нарядная тысячная толпа направляется въ боковыя залы, чтобы использовать десятиминутный антрактъ, поболтать и подѣлиться впечатлѣніями. Въ одной изъ залъ, приходящейся какъ разъ за эстрадой, особенно людно; здѣсь устроенъ небольшой буфетъ; продаютъ фрукты и воды; здѣсь же входъ въ „комнату артистовъ“.

Недалеко отъ входа въ большой залъ стоитъ высокій, сѣдой красавецъ—Горовъ; около него—Наташа и Катюша. Скромныя, бѣлыя платья; на полуоткрытыхъ шеяхъ тоненькія золотыя цѣпочки съ медальонами; головки гладко причесаны, и густыя, тяжелыя косы закручены низко на затылкѣ. Масса молодежи толпится около нихъ. Между ними и князь Адашевъ. Изящно вертя въ рукахъ бѣлую перчатку и шапо-клакъ, онъ что-то говоритъ Наташѣ.

Евгеній Михайловичъ Гарденау, красивый брюнетъ, новый столоначальникъ Горова, не спускаетъ глазъ съ темноокой Катюши; здѣсь же стоятъ пять-шесть молодыхъ офицеровъ; всѣ они были на послѣдней „средѣ“ у Горовыхъ; между ними выдѣляется гвардеецъ Скарятинъ, пріѣхавшій въ Москву навѣстить стариковъ-родителей. Отецъ когда-то былъ консуломъ на востокѣ; теперь же въ отставкѣ и доживаетъ свой вѣкъ съ многочисленной семьей въ Бѣлокаменной. Съ этой семьей Го-

ровы тоже только недавно познакомились. Молодой Скарятинъ видимо еще не рѣшилъ, на которой изъ двухъ дѣвицъ остановить свое благосклонное вниманіе. Ему нравится и восторженно-одухотворенное личико Наташи; манитъ къ себѣ и задорно-улыбающаяся веселая Катюша.

Около двери въ „артистическую“ толпится масса учащейся молодежи, студенты, консерваторки... Ждутъ выхода знаменитаго скрипача Ауэра, который играетъ во 2-мъ отдѣленіи.— Дверь отворяется; выходитъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ и, завидя Горова, подходитъ къ нему.

По дѣламъ своей службы ему часто приходится бывать въ канцеляріи генераль-губернатора, и потому онъ знакомъ съ Горовымъ, считаетъ своимъ долгомъ всегда подойти къ нему и поздороваться съ дѣвочками.—На этотъ разъ онъ не одинъ. Съ нимъ молодой профессоръ, только-что пріѣхавшій изъ Лейпцига и принятый въ консерваторію на должность преподавателя—Александръ Сергѣевичъ Рагодинъ. Николай Григорьевичъ знакомитъ его съ Горовыми. Высокій, худощавый, съ умнымъ и красивымъ лицомъ, съ густыми волосами, откинутыми назадъ съ благо, строгаго лба, онъ производитъ чарующее впечатлѣніе. Пока Рубинштейнъ и Горовъ говорятъ о какомъ-то важномъ для нихъ дѣлѣ, молодой профессоръ съ серьезной и снисходительной улыбкой обращается къ Наташѣ и предлагаетъ ей какой-то банальный вопросъ въ области музыки. Боже! какъ бьется сердце Наташи! Отвѣтить какъ слѣдуетъ, не обнаружить своего музыкальнаго невѣжества! Какъ это трудно! А тутъ еще эти темносѣрые глубокіе глаза смотрятъ прямо тебѣ въ душу! Жутко Наташѣ! Какой-то тяжелый кошмаръ сжимаетъ до боли ея сердце. Что это? Не предчувствіе ли?!...

Это происходило въ ноябрѣ, а въ январѣ слѣдующаго года Рагодинъ былъ приглашенъ въ домъ Горовыхъ давать уроки музыки старшимъ дѣвочкамъ. Съ какимъ трепетомъ выслушала Наташа рѣшеніе отца! Какой новый міръ открывался передъ нею! Музыка, которую она такъ любила, получала совершенно новое значеніе. Это уже не было простое удовольствіе, препровожденіе времени. Искусство предъявляло свои права; нужно было относиться серьезно, трудиться.

Первые уроки прошли, какъ въ чадѣ. Новизна положенія ошеломила ее. Она не могла разобраться въ томъ хаосѣ, который наполнялъ ея голову и сердце.—Черезъ двѣ—три недѣли

Наташа успокоилась, стала хладнокровнѣе; съ рвеніемъ принялась за „Exercices Nalop“ и „Gradus ad Parnassum—Clementi“. Съ благоговѣніемъ выслушивала она замѣчаніе профессора; всѣми силами старалась понять и уяснить себѣ тонкую, кружевную повѣзю Шопена, юморъ Шумана, спокойное величіе Бетховена. Какъ была она счастлива, когда съ этихъ строгихъ замкнутыхъ устъ срывались слова одобренія, на которыя Рагодинъ былъ такъ скупъ! Долго не могла она привыкнуть къ тому, что вотъ здѣсь, въ этой большой бѣлой залѣ съ колоннами, на этомъ роялѣ, на которомъ она не такъ давно играла попури Маркса или вальсъ Штрауса, онъ игралъ концертъ Листа или фантазію Шопена. Большой залъ наполнялся непривычными, могучими звуками; мелодіи лились, звучали, то нѣжно, настойчиво, прося о чемъ-то, то рѣзко обрываясь, то возобновляясь съ новой силой и страстью, то торжествуя побѣду могучими, сильными аккордами...

Удивленная, пораженная стояла Наташа возлѣ рояля и всѣми силами сердца и ума старалась понять этотъ новый для нея языкъ.

Кромѣ уроковъ, которые Рагодинъ давалъ два раза въ недѣлю, онъ бывалъ и по „средамъ“, а иногда заходилъ и за просто къ вечернему чаю.—Много оживленія и интереса внесъ онъ въ жизнь Горовыхъ; Николай Алексѣевичъ любилъ его бесѣды. Александръ Сергѣевичъ много путешествовалъ, много всего повидалъ. Даже Женю и Настюшу, и тѣхъ съ трудомъ уговаривала m-me Клеберъ идти спать въ тѣ вечера, когда Рагодинъ за чайнымъ столомъ рассказывалъ о своемъ путешествіи по Америкѣ. И дикая, величественная Ніагара, и храмъ мормоновъ въ штатѣ Юты, и дѣвственные лѣса по берегамъ Миссисипи—все это было такъ ново, такъ интересно, и въ особенности въ рассказахъ очевидца.

Не мудрено, что черезъ нѣкоторое время весь духовный міръ Наташи сосредоточился на немъ. Симфоническіе вечера получили совершенно новую окраску. Въ антрактахъ она уже теперь никуда не уходила съ своего мѣста; она знала, что вотъ сейчасъ онъ придетъ сюда къ ней и будетъ ей указывать на такія-то мѣста симфоніи или увертюры и непременно спросить, какъ ей понравилась такая-то часть. Она всегда знала, съ какой стороны онъ долженъ былъ придти. Какъ пріятно было, когда, наконецъ, среди этой толпы, она издали узнавала его! Онъ шелъ своей быстрой, рѣшительной походкой и конечно—къ ней; она не сомнѣвалась.

„Среды“ только и были интересны, когда онъ бывалъ. Онъ прѣвжалъ обыкновенно поздно, часамъ къ одиннадцати. Подкарауливъ иногда его звонокъ сквозь шумъ говора, или звуки вальса, Наташа бѣжала въ первую переднюю. Сбросивъ шубу на руки лакея, снявъ шапку и поправляя обычнымъ жестомъ густые волосы, онъ шелъ навстрѣчу сіяющей и волнующейся дѣвушкѣ.—„Ну, и морозъ!“ подходилъ онъ къ ней, неся съ собой волну бодрящаго, зимняго воздуха.

— Скорѣй, скорѣй къ самовару! и она протягивала ему обѣ руки.—Я вамъ чаю оставила, горячаго!

И они вдвоемъ проходили по амфиладѣ освѣщенныхъ, людныхъ комнатъ.—Завидя Наташу издали, скользя по паркету, спѣшилъ къ ней поручикъ Скарятинъ.

— Наталья Николаевна, третья контрадансъ—вы мнѣ обѣщали!

— Не могу, Андрей Александровичъ, мнѣ нужно по хозяйству. Вонъ тамъ Sophie Иртеньева сидитъ безъ кавалера; пожалуйста танцуйте съ ней.

Скарятинъ корчилъ кислую мину; а бѣдная Sophie, не мечтавшая даже о такомъ счастіи, танцевала третью кадрили съ блестящимъ гвардейцемъ.

За большой столовой была маленькая, уютная комнатка, именуемая второй столовой или буфетной. Здѣсь во время „среды“ накрывался столъ, стоялъ всегда кипящій самоваръ и старая няня Анна Филиппьевна, при помощи одной изъ Аннушекъ, разливала чай.—Сюда-то направлялась Наташа въ обществѣ Александра Сергѣевича.

— Пожалуйста, батюшка, сюда! привѣтливо приглашала Анна Филиппьевна гостя.

— Поближе къ самоварчику! сейчасъ горяченькаго налью. Наташа пододвигала сливки, лимонъ, сладкіе торты.

— Наташенька, да ты бы Александра Сергѣевича ромкомъ бы угостила! а то вѣрно зазябъ, сердечный.

— Нѣтъ, няничка, спасибо. Здѣсь у васъ такъ тепло, такъ хорошо, что ничего не нужно!

И онъ блестящими, ласковыми глазами смотрѣлъ на молодую хозяйку.

— Наталья Николаевна, не безпокойтесь. Садитесь лучше вотъ сюда и выпейте чашечку со мной за компанію.

Счастливая, сіяющая Наташа садилась рядомъ.

Такъ было странно и хорошо сидѣть вмѣстѣ съ нимъ здѣсь и прислушиваться къ звукамъ музыки и къ шуму тан-

цующихъ. Невольно, чтобы продлить этотъ tête à tête начинались разговоры о музыкѣ, о послѣднемъ концертѣ, о балладѣ Шопена, которую сейчасъ съ нимъ разучивала Наташа...

Когда поздно вечеромъ, или, лучше сказать, ночью, Наташа, проводивъ послѣднихъ гостей и простившись съ отцомъ, шла къ себѣ на верхъ въ спальню, то въ головѣ стоялъ молодой невинной души. Любила первой ясной любовью. Замѣчали ли посторонніе? Догадывался ли отецъ? Объ этомъ и не думала Наташа. Все окружающее перестало существовать для нея. За роялемъ проводила она цѣлые дни.

Томительно долго тянулось время отъ перваго урока до „среды“ и отъ втораго урока до симфоническаго собранія! Все было заброшено: и книги, и рисованье, и работа... Онъ, онъ одинъ заполнилъ все. Она даже не замѣтила, какъ измѣнилось обращеніе съ ней князя Адашева и Андрея Александровича Скарятина. Безмолвно, какъ бы сговорившись, оба они какъ бы отодвинулись отъ Наташи. Исчезло ухаживанье, замолкли комплименты...

М. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

